

ПЕСНЯ ПУСТОЙ ВЕРАНДЫ

Not with a bang but a whimper.*
T. S. Eliot

Март на исходе, и сад мой пуст.
Старая птица, сядь на куст,
у которого в этот день
только и есть, что тень.

Будто и не было тех шести
лет, когда он любил цвести;
то есть грядущее тем, что наг,
делает ясный знак.

Или, бывшему в противовес,
гол до земли, но и чужд небес,
он, чьи ветви на этот раз —
лишь достиженье глаз.

Знаю и сам я не хуже всех:
грех осуждать нищету. Но грех
так обнажать — поперек и вдоль —
язвы, чтоб вызвать боль.

Я бы и сам его проклял, но
где-то птице пора давно
сесть, чтоб не смешить ворон;
пусть это будет он.

Старая птица и голый куст,
соприкасаясь, рождают хруст.
И, если это принять всерьез,
это — апофеоз.

То, что цвело и любило петь,
стало тем, что нельзя терпеть
без состраданья — не к их судьбе,
но к самому себе.

* Не взрыв, но всхлип (англ.). — Из стихотворения
Т. С. Элиота «The Hollow Men».

Грустно смотреть, как, сыграв отбой,
то, что было самой судьбой
призвано скрасить последний час,
меняется раньше нас.

То есть предметы и свойства их
одушевленное нас самих.
Всюду сквозит одержимость тел
манией личных дел.

В силу того, что конец страшит,
каждая вещь на земле спешит
больше вкусить от своих ковриг,
чем позволяет миг.

Свет — ослепляет. И слово — лжет.
Страсть утомляет. А горе — жжет,
ибо страданье — примат огня
над единицей дня.

Лучше не верить своим глазам
да и устам. Оттого что Сам
Бог, предваряя Свой Страшный Суд,
жаждет казнить нас тут.

Так и рождается тот устав,
что позволяет, предметам дав
распоряжаться своей судьбой,
их заменять собой.

Старая птица, покинь свой куст.
Стану отныне посредством уст
петь за тебя, и за куст цвести
буду за счет горсти.

Так изменились твои черты,
что будто на воду села ты,
лапки твои на вид мертвей
цепких нагих ветвей.

Можешь спокойно лететь во тьму.
Встану и место твое займу.
Этот поступок осудит тот,
кто не встречал пустот.

Ибо, чужда четверем стенам,
жизнь, отступая, бросает нам
полые формы, и нас язвит
их нестерпимый вид.

Знаю, что голос мой во сто раз
хуже, чем твой — пусть и низкий глас.
Но даже режущий ухо звук
лучше безмолвных мук.

Мир если гибнет, то гибнет без
грома и лязга; но также не с
робкой, прощающей грех слепой
веры в него, мольбой.

В пляске огня, под напором льда
подлинный мира конец — когда
песня, которая всем горчит,
выше нотой звучит.

октябрь 1968